

ПОДЗЕМНИК

ЭН ВЕСПЕР

МЕСТО, ГДЕ ИЛЛЮЗИИ НАКАЗЫВАЮТСЯ

18+

Эн Веспер
Подземник

«Автор»

2026

Веспер Э.

Подземник / Э. Веспер — «Автор», 2026

Что скрывает соседская детвора и куда ведёт заброшенный люк на пустыре? Агата и её друзья, разыскивая пропавшего мальчика, узнают ответ. Дом-перевёртыш, уходящий глубоко под землю, захлопнет над ними единственный выход наружу и уведёт пролётами лестниц на улицы города, где действуют свои правила. Следящие манекены. Соседи, разрывающие друг друга на куски. Трамвай, который начинает свой путь ровно в полночь. Есть ли отсюда выход? И если да, какую цену придётся заплатить каждому, кто спустился вниз?

© Веспер Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эн Веспер

Подземник

Глава 1

Агата провожала взглядом тяжелые свинцовые облака. Там, в серой вышине, бранились тучи, и она подозревала, что совсем скоро хлынет дождь. Это её совсем не устраивало, ведь это означало, что до университета она доберется промокшая насквозь, а сменной одежды она не взяла. Зонт, по иронии судьбы, был сломан, а футболка легко продувалась. Возвращаться домой не хотелось, а потому Агата вздохнула, а затем покосилась на стоявшую рядом Нину. Подруга, несмотря на спешащих мимо людей, задумчиво смотрела вдаль. Агата с интересом глянула туда, куда смотрела Нина. Там, на противоположной от них стороне, на пустыре, толпилось несколько детишек. Они с интересом поглядывали то на небо, то на клочок земли, вокруг которого столпились. Вероятно, под их ногами находилось что-то занятное, но из-за большого расстояния Агата все никак не могла рассмотреть, что же там было.

— Ну хотя бы не сидят, уткнувшись в гаджеты. — Агата пожалала плечами.

Нина кивнула, но промолчала.

— А ты помнишь, когда-то и мы там играли?

Нина снова кивнула. В небе громыхнула молния, и дети, весело завизжав, начали прыгать и толкаться. Агата непонимающе нахмурилась, а затем сделала шаг назад, под козырек дома, утягивая за собой и Нину. Та послушно последовала за подругой, не прекращая смотреть вдаль.

Их дом, блеклая многоэтажка, стоял на самой окраине города. Когда-то он и правда соседствовал с широким лесным массивом, но пару лет назад недальновидный застройщик выкупил большой участок напротив их дома и повалил все деревья. Но деньги у застройщика неожиданно закончились, и обещанную высотку так и не построили. Там, где раньше царствовала буйная зелень, более ничего не выросло.

Так и образовался пустырь. Агата замечала, что местные дети туда часто заглядывали, рассматривая что-то в жухлой траве.

Наконец, когда на крыльцо дома упала первая дождевая капля, ребятня замолкла и сосредоточенно уставилась на что-то под своими ногами. Не сбавляя темпа, следом хлынул ливень, создавая бурные потоки воды на тротуарах и поломанной детской площадке. Нина хотела было что-то сказать, но позади неё громко хлопнула подъездная дверь, и мимо Агаты промчался Сашка — их сосед и по совместительству младший брат их общего друга Вити Шубина.

Мальчишка шустро соскочил со ступенек и помчался к своим друзьям.

— Саша! Куда?! — только и успела выкрикнуть Агата, шагнув вслед за мальчишкой.

Тот, не сбавляя бега, быстро обернулся и, указав пальцем на пустырь, прокричал:

— Туда! Там вода!.. Вода! — И, задыхаясь, рванул дальше.

— Простудятся же. — Вздохнула Агата, а затем, не глядя на Нину, закинула на спину рюкзак.

Морщась от холодного дождя, девушка аккуратно спустилась по влажным ступенькам, а затем, повернувшись к подруге, махнула на прощание рукой:

— До вечера! Помни, в шесть у Витька! — крикнула она, стараясь перекрыть ливень.

— Хорошо, — тихо ответила Нина, а затем развернулась и зашла в подъезд.

Лиховск был старым, измотанным временем городом. Построенный еще в советское время, он уютно расположился под крылом Архангельска. Выстроенные в ряд пятиэтажки, пара панельных девятиэтажек на окраине. Широкие улицы, обрамленные тополями; аллеи, главный парк с детской площадкой, где на качелях и горке давно облупилась краска. Работа-

ющий по вторникам и четвергам дом культуры, музыкальная школа, на пустыре — ежегодный зимний каток, заливающийся инициативными родителями.

Между тем электричка номер А086 медленно утягивала за собой Агату и всех желающих в Архангельск. Там, практически в самом центре города, возвышалось темное здание — Северный государственный университет морского и речного флота. Агата успешно завершила первый курс на факультете кораблестроения и сейчас мчалась в университет, чтобы разобраться с зачетками и переговорить с куратором направления, так как являлась старостой группы. Последние деньки июня оказались на редкость дождливыми, но радость от сданной сессии все еще грела душу Агаты и многих её одногруппников.

— Дождик, — задумчиво пробормотала старушка, сидящая по соседству с девушкой.

Агата вяло кивнула, а затем вновь попыталась растереть окоченевшие руки.

— Надеюсь, что на каникулах будет стоять солнечная погода.

Женщина, сидящая поодаль, слегка кивнула головой в знак согласия с Агатой, а затем, порывшись в леопардовой сумке свободной рукой, вытянула бархатный мешочек.

— Дамы, а хотите скоротаю наше время?

Старушка, бросив взгляд тусклых глаз на мешочек, нахмурила брови:

— Мой век и так короток.

Тогда незнакомка перевела взгляд на Агату и снова задала вопрос:

— А ты, девонька? На любимого погадаю, хочешь?

Агата, не зная, что ответить, кивнула в сторону мешочка и ответила вопросом на вопрос:

— Что это?

Женщина довольно улыбнулась, а затем, поставив стаканчик с чем-то мутным на пол вагона, скинула с другой руки лямку сумки и одним движением руки вытряхнула на колени колоду карт.

То, что это были карты, Агата поняла сразу, но вид у них был совершенно необыкновенный. На темных рубашках золотым тиснением были выгравированы римские цифры, обрамленные лозой и цветами. Где-то поблескивали стразы, привлекая внимание к той или иной карте. На лицевой же стороне мелькали разные картинки — где-то виднелась широколистая луна, наблюдающая над бурным потоком воды; где-то, держа в руках венки, плясали девушки. На последней из карт, что попала на глаза Агате, виднелся рогатый черт.

Агата сжала губы, не зная, что сказать.

Незнакомка тем временем поправила свои огненно-рыжие волосы, а затем, хищно улыбувшись, сгребла карты и начала тасовать.

— Издревле считалось, что карты — наши проводники в мир тонкой материи. Туда, где уже все известно.

Старушка, сидевшая до этого молча, перекрестилась.

— Тьфу ты.

— Ой, ну перестаньте. — Закатила глаза женщина. — Это универсальный инструмент. Рабочий. Вот давай, девочка... Как тебя зовут?

— Агата.

Девушка, пытаясь защититься от холода, скрестила руки на груди и вжалась в сидение вагона. Её заинтересовала яркая колода в руках незнакомки.

— Агата... Берегиня скрытых троп. Замечательное имя. Ну что, Агата, на кого погадать? На мальчика?

Девушка отмахнулась.

— Не знаю. Давайте на что-то судьбоносное. Может, на будущее? Например, на то, как пройдет мое лето?

Женщина с интересом закивала, отчего рыжие прядки веселыми завитками вновь выбились из общей прически и упали на лицо. Не обращая на это внимания, она начала что-то шептать и тасовать колоду.

— Ну и надо оно тебе, девонька, — прошептала рядом сидящая соседка, но заинтересованных глаз от предсказательницы не отвела.

Агате было непонятно, надо ей это или нет. Если это поможет скоротать время, пока они едут до Архангельска, будет замечательно.

— Встань, да покажись... — бубнила незнакомка, а когда и старушке, и Агате это начало уже надоедать, предсказательница вытащила три карты и, недолго думая, разложила их у себя на коленях.

— Ну что, детка, — начала было она и, взявшись за первую карту, перевернула её вверх лицевой стороной.

Агата с интересом взглянула на неё, отмечая искусно нарисованное колесо с различными мордочками животных.

— Что это значит? — спросила она.

— «Колесо Фортуны», — на выдохе прошептала женщина, а затем открыла еще две карты.

Юная пассажирка рассмотрела и их: кровавые тона карт, а также разрушающиеся здания наверняка не сулили ей ничего хорошего. От увиденного Агата немного расстроилась.

— Интересно... — прошептала предсказательница.

— Это плохо? Фортуна — вроде хорошее значение, да? Повезет в чем-то?

Женщина с прищуром глянула на карты, а затем на девушку. Что-то в её взгляде не понравилось Агате.

— Вторая карта — «Суд». А затем — «Башня».

Старушка, что наблюдала за предсказанием, замерла. Даже звук колес перестал бить в уши, а неугомонные студенты, сидевшие через пару скамеек от них, замолчали. Казалось, словно что-то зловещее притаилось в уголках вагона. Бросив взгляд на Агату, соседка шустро перекрестилась, а затем перекрестила и её.

Женщина же, словно пребывая в трансе, с удивлением разглядывала карты. Она глубоко дышала, вдыхая через нос и выдыхая через рот. Сама Агата задумалась. Воспоминания, наспех заколоченные в её сознании, скреблись и царапались, просясь наружу, но, увы, вспомнить то, что так отчаянно рвалось изнутри, не получалось.

— Колесо Фортуны уже запущено, дитя. Тебе придется столкнуться с собственной тенью. Откликнуться на призыв, который ты уже ощущаешь.

— И для чего? — нахмурившись, спросила студентка.

— Чтобы разрушиться. О, кажется, тебе предстоит умереть, Агата.

За окном ярко сверкнула молния, а затем по всему небу прокатился раскат грома. Черное свинцовое небо вздрогнуло, а затем, словно подпевая жуткой песне, в вагоне замигал свет. Старушка прошептала что-то, а затем чуть громче добавила:

— Чегой ты такую пургу несешь?! Девчужке такую судьбу пророчишь! Стыдно должно быть вам, шарлатанам!

Женщина обескураженно глянула сначала на старушку, а затем перевела взгляд на Агату. В попытке объяснить она сначала подержала в руках одну карту, затем вторую и, наконец подобрав слова, произнесла:

— Тропу своей жизни каждый прокладывает собственными шагами. Сегодня видение одно, завтра может быть совсем другое... В конце концов, «Башня» не означает смерть, ровным счетом, как и сама карта «Смерти». Возможно, ты... Ты же учишься, верно? Может, ты поменяешь университет? Или переедешь в другой город?

Агата едва кивнула.

— Ну вот, видишь! Не слушай тетку, я иногда как впаду в транс, как наговорю жути... — Она неловко рассмеялась, а затем, не ощутив поддержки, шустро сложила карты в мешочек.

— Пугаешь детей и только, — вновь осуждающе произнесла их соседка.

Женщина же, намереваясь встать со скамьи, схватила было сумку, но затем, еще разглянув виноватым взглядом на Агату, вновь открыла мешочек с картами.

— Больше не надо... — начала было девушка, но рыжеволосая предсказательница усердно продолжала искать что-то среди колоды.

Перебирая карту за картой и вглядываясь в изображения каждой, она то и дело что-то бубнила себе под нос. А когда нашла, схватила и неловко протянула руку с одной-единственной картой Агате в надежде, что та её примет.

Агата, в общем-то, не собиралась. Но там, глубоко в груди, где билось её сердце, что-то покалывало, манило, а потому она отчего-то решила принять из рук женщины карту, мельком глянув на её лицевую сторону. Там, под яркой золотой звездой, сидела девушка, а из резного кувшина, что стоял у неё на коленях, стекала вода. Агате стало забавно, ведь если слегка наклонить карту, казалось, что вода действительно льется, настолько был искусен обманный эффект рисунка.

— Зачем? — только и спросила Агата.

— Пусть будет. Она часто меня выручала. Захочешь — выбросишь. Не настаиваю. Прости меня, детка. — И, сунув карты в сумку, а вслед за ними мешочек, встала и направилась к выходу из вагона. Стаканчик с неясным содержимым так и остался стоять на полу.

Агата проводила её взглядом, а затем, вновь глянув на карту, пожала плечами и сунула её в сумку, прямым между страниц уцелевшей от дождя тетрадки.

— Выбросила бы ты это, девонька.

Девушка согласно кивнула головой.

Спорить не хотелось. Жуткое предсказание крутилось в её голове тревожной каруселью, а воспоминания, так ярко колотившие в дверь сознания, не давали Агате понять что-то очень важное. Она чувствовала, что что-то упускает. Но что?

Мучаясь догадками, под тяжелые звуки дождя и монотонный стук колес она засыпала, крепко обняв себя руками.

«Умереть? Мне? В самом деле... Уму непостижимо. Кому расскажу о случившемся — не поверят. Вот Нина посмеется», — думала Агата, проваливаясь в тяжелый сон.

Странное предсказание из электрички постепенно отпускало Агату. Артем — куратор их группы — монотонно зачитывал всех переведенных на второй курс, а также рассказывал, куда теперь нужно будет отнести зачетки и с кем поговорить насчет Привалова, чтобы он смог пересдать судостроительное черчение. К тому времени Агата уже переделась в фирменную толстовку своего университета, выпила две кружки сублимированного кофе и съела холодную сосиску в тесте, так что все было не так паршиво.

— Как ты себя чувствуешь? — после обсуждения зачета спросил Артем, как бы невзначай бросив взгляд на Агату.

Та непонятно пожала плечами, аккуратно складывая зачетки в стопку.

— Нормально. А что?

— Нет-нет, ничего. Сейчас начинаются каникулы...

Девушка кивнула. Она не вдавалась в смысл их разговора. В голове вообще было пусто: после теплых кабинетов университета, кофе и толстовки Агату разморило, и все, чего ей хотелось, — вернуться домой и поспать еще несколько часов до встречи с друзьями.

— И, ну знаешь, если тебе захочется поговорить, то ты всегда можешь мне написать или позвонить. Я здесь, и я рядом.

Агата устало помассировала глаза, а затем спросила:

— О чем?

— Ну как... — Артем, не зная, что сказать, в спешке пытался подобрать слова. — Просто если тебе станет грустно или, как вы сейчас говорите, тебя «накроет»... В общем...

— Ага, — лениво произнесла девушка, засовывая зачетки в новый красивый файл.

Старательно вырисовывая на нем несмываемым маркером код группы, Агата попыталась вспомнить, успела ли она рассказать Артему про гадалку и расклад карт. Ей на мгновение показалось, что да, успела, но память в последнее время её подводила, и она все никак не могла вспомнить, когда же это произошло. В любом случае, желание поговорить показалось девушке милым, и чтобы не заставлять Артема краснеть, развивать эту тему дальше она не стала.

Отпустили Агату только вечером, когда небо начало затягиваться свинцовыми облаками.

Квартира на 5 этаже дома на тупиковой улице встретила девушку тишиной. Коридор, уводящий пришедшего в глубины своих комнат, зиял чернотой. Словно распахнутый рот, он ждал, и Агата то и дело мялась на пороге, вглядываясь в темноту. Ей казалось, что их квартира наполняется любовью и светом только тогда, когда дома находится мама, но когда комнаты пустеют и коридор заполняет тишина, Агата чувствует, что внутри стен просыпается нечто зловещее, что-то, что давно ждет лучшего момента увлечь девушку туда, откуда уже не будет выхода.

Судорожно вздохнув, она еще раз вслушалась в тишину квартиры, а затем испуганно дернулась, испугавшись разразившегося грома. Сквозь окна комнат мелькнул свет молнии, и на мгновение ей показалось, что в конце коридора кто-то стоит.

Испугавшись, Агата дернулась вперед. Нашупав одной ладонью выключатель, она шустро по нему хлопнула. После заветного щелчка прихожая залилась теплым домашним светом. Там, в коридоре, конечно же никого не было.

Еще раз вздохнув, Агата перехватила рюкзак за лямку сумки и, зайдя в квартиру, бросила его на пол. Наконец-то начались каникулы. Можно было расслабиться, позабыть на пару месяцев нудные лекции, семинары, бессонные ночи и вдоволь насладиться свободой. Теперь, когда Агата была не занята, они наконец-то могли поехать в Архангельск, а затем и в Питер, чтобы просто отдохнуть и немного попутешествовать.

Правда, предвкушение скорой поездки омрачало предчувствие.

Ставя чайник на газовую плиту, Агата мысленно прокручивала прошедший день, неделю, месяц. Что-то не давало ей покоя, ускользало, мягко прощалось и вновь возвращалось, чтобы попросить, чтобы попробовать... Зябко пожав плечами, девушка чиркнула спичкой о бумажный коробок и, включив газ, зажгла конфорку. Проверив уровень воды в чайнике, она опустила крышечку обратно и зашагала обратно в коридор, бросив спички на кухонный стол.

Каникулы. Да, каникулы! Витя наверняка уже собрал чемодан. От воспоминаний о своем друге Агата расплылась в улыбке. Она подозревала, что сегодня он снова не оставит своих попыток и будет клеиться к Нине весь вечер. Агата перевела взгляд на фотографию, стоящую на её рабочем столе около окна. Там были все: Шубин, Нина, она, Полина и Пашка Сафонов.

За переодеванием и собственными размышлениями Агата не заметила, как пролетело время. Где-то в глубине квартиры раздался свист, становясь все громче и громче.

Заранее заварив кофе, девушка юркнула в душ. Несколько минут там, здесь — и вот старые часы, висевшие на стене кухни, вновь укоризненно поглядывали на Агату.

— Половина седьмого... — пробормотала та и, схватив кружку, вышла из квартиры.

Шубины жили на седьмом этаже дома, где жила сама Агата и Нина. Надев тапочки, Агата заперла за собой дверь и, держа во второй руке кружку с горячим кофе, поплелась вверх.

Друзья знали, что сегодня она ездила в универ, а потому не должны были злиться. Тем более дело старосты такое: в ответе за всё и всех, и неважно, что сделал другой — по шапке сначала надают тебе.

Агата поднималась по старой многоэтажке, ощущая, как накопленная за день усталость сковывает мышцы. Вот заваренный мусоровод, вот зарешеченное подъездное окно. За ним,

там, в вышине серого неба, буйствовала непогода. Скорее всего, ночью разразится настоящий ураган. Не хотелось, конечно, но выбора не было.

Шаркая тапочками, Агата преодолела шестой этаж и, взобравшись на седьмой, уже подняла было руку, чтобы постучать в дверь из темного дуба, как та резко распахнулась. Агата было шарахнулась назад, испугавшись друга, а затем, ощутив, как сердце ухает где-то глубоко в груди, спросила:

— Что случилось?

Витя, взволнованно взглянув на Агату, оглядел её, а затем подъездную площадку за ней. Теперь, когда Лиховск схватил в свои тиски ливень, в подъезде стало совсем темно. Лишь изредка свет молнии прорывался на лестничный марш, но сейчас было мрачно и тихо.

— Витя?

— Саша.

Агата непонимающе помотала головой.

— Саша пропал.

Где-то внизу хлопнула тяжелая домофонная дверь. На секунду, всего на секунду, Агате показалось, что именно так захлопывается крышка гроба.

Глава 2

По узкому деревянному подоконнику ползла муха. Она то и дело останавливалась, потирая свои маленькие лапки, а затем, наверняка не ощущая опасности, исследовала свой огромный мир дальше, не боясь быть прихлопнутой свежей газетой. Она совсем не собиралась улетать, хотя форточка была открыта. Сквозь неё в комнату прорывался свежий летний ветер. Он наполнял кухню, старался подарить спокойствие и безмятежность, что присуще только лету. Играл с краем ажурной занавески, касался лепестков комнатных растений. Те же мягко гнули свои стебельки под рукой ветра, а затем, когда лучи солнца падали на их бутоны, светились, радуясь приятному солнечному дню.

На противоположной стене от кухонного окна танцевали солнечные зайчики. Они то и дело перепрыгивали с дверного косяка на металлический бок чайника, падали на стол, а затем, вновь поднимаясь, играли в стеклянном проеме двери.

Агата перевела взгляд с очередного солнечного блика на колышущуюся занавеску. Стоял обычный летний день. Жаркое марево накрыло Лиховск. Уже как неделю наступило настоящее лето. На улицах появились первые островки с мороженым, а вода, бьющая из фонтана на главной площади, мерцала в лучах солнца. Голуби, сидящие под козырьком подъезда, занимались своими обычными будничными делами, коты всё так же лениво грели свои бока, а небо, голубое небо, обещало надежду и что-то доброе, что-то хорошее, только протяни руку...

Сашу так и не нашли.

Первые дни поиска спутались между собой. Было много ненужной возни, но, с другой стороны, кто знает, что нужно делать, когда пропадает ребенок? Агата не знала.

Поначалу тянулось ожидание. В квартире на седьмом этаже многоэтажного дома тогда собралось достаточно народу, чтобы каждый искал свои пути выйти «на минутку» на улицу — покурить, переброситься парой фраз с соседями, выслушать опасения людей из соседних домов. Каждый искал способ остаться хотя бы на мгновение наедине с собой, чтобы примириться с ужасом, что засело в тени каждого встреченного человека на улице. Агате тоже хотелось выдохнуть, встряхнуться, но и её, и ребят засасывало в воронку отчаяния всё глубже и быстрее.

— Говорит, странно было, что не вернулся к вечеру. Все дети разошлись, а его нет. Витя домой вернулся, а когда почувствовал неладное — пошел по друзьям Сашки, все сказали, что не видели его. Жуть какая, ага, скажи. Нет, с ней Витя. Ну старший сын, я же говорила. Уже не ревет, сил нет. И не говори... Господи, какой ужас.

Агата повернула голову и уперлась взглядом в коридор. Чуть правее, там, где светлым пятном зияла гостиная, раздавался голос её мамы.

— Да на работе, да. Нет, не смогу в воскресенье, Люда, с дочкой хочу до обувного дойти, себе босоножки обновлю, да ей кроссовки. Смотреть на них страшно, не понимаю, как обувь носит. Почти порвались уже, ага, а я говорила, Люд...

Агате всегда казалось, что вместе с ужасом замирает и время, совсем как в фильмах, но спустя четыре дня после произошедшего она с неприязнью для себя обнаружила, что жизнь, в общем-то, продолжается. Дети всё так же гуляли на детских площадках, но уже под присмотром родителей. Те, словно ястребы, кружили над песочницами и горками, рассматривая каждого прохожего. Быть может, так работал защитный механизм. А может, так и надо, несмотря ни на что двигаться дальше?

Как быстро люди могут перестать скорбеть и как скоро интересоваться чем-то новым?

— И не говори. Ужас. Ужас, не знаю, что делать. Какое-то бессилие.

Агата судорожно вздохнула, а затем снова перевела взгляд на окно. Прикрыв глаза, она подставила лицо солнечным лучам.

И правда, бессилие.

Потом начались опросы. Точнее, наверное, полиция начала опрашивать всех сразу, но это Агата помнила плохо. В первые дни смешалось всё: и слезы тети Тамары, гнев Вити, причитания старух, что приходили насытиться горем и уползти в свои бетонные норы. Кто-то приходил поддержать, приносил выпечку. Тете Тамаре несколько раз вызывали скорую, пока совсем не госпитализировали. После этого Витю не оставлял никто: ребята дежурили по очереди, выпроваживая лишь Пашку. У него и так было чем заняться, пусть тот уходит и не хотел.

После начала поисков к полиции присоединились волонтеры. Прочесывали всё, доходили до ближайшей деревушки Часовенской, но ничего. Ни одного намека на Сашу, ни одной ниточки, что могла бы привести ищущих к ребенку. Из-за этого Витя становился злее, Паша замкнулся в себе, а Полина часами прочесывала карты и социальные сети в надежде на что-то.

Агата же...

Никто не знает, что значит «правильно». Как «правильно» горевать или же поддерживать. Ей казалось, что в пропаже Саши виновата она сама. Ей всё казалось, что запрети она ему бежать на пустырь, попроси его зайти домой или что-нибудь еще, то всё обязательно было бы иначе. Сейчас бы всё было иначе. Стоило лишь сказать...

Эти мысли пожирали разум Агаты день за днем. Она боялась засыпать, ведь во сне она каждую ночь провожала взглядом убегающего Сашку. Она боялась смотреть на себя в зеркало, боялась смотреть в окно, на тот самый злосчастный пустырь. Конечно, это было глупо, ведь если подумать, то ничего она изменить не могла, но иногда... Иногда казалось...

— Агата?

Девушка моргнула, затем еще раз и посмотрела на маму, стоящую в проеме двери. Она была одета в рабочую униформу, а руки, мамины нежные руки, всё ещё были в грязи.

— Всё нормально?

Агата пожалала плечами, а затем кивнула.

— Да. Задумалась просто.

Женщина вздохнула, перевела взгляд с дочери на чайник, а затем, обратив внимание на руки, нервно протерла их о комбинезон.

— Сегодня останусь в ночь, многие взяли отгулы, чтобы... Ну, неважно. Пожалуйста, сиди дома, никуда не выходи вечером, хорошо? В моей комнате в первом ящике тумбочки возьми деньги, купи себе на ужин что-нибудь. Утром пожарю блинчики. Хорошо? Ты, главное, не выходи из дома вечером. Постарайся успеть до часов пяти. Хорошо, Агата?

Агата снова кивнула. Её мама, Надежда Викторовна, трудилась на местном заводе, успевая на обед забежать к дочери. Сейчас, в принципе, многие взрослые старались контролировать своих детей, особенно после произошедшего... Сама же женщина мотнула головой, а затем, переминаясь с ноги на ногу, скомканно попрощалась и вышла из квартиры.

Наверное, взрослым было даже страшнее, чем детям. Агата и представить не могла, что испытывали родители, смотря на своих детей и допуская мысль, что то же самое могло случиться и с ними.

Кошмар наяву.

Сегодняшний день был похож на все остальные. Витя хотел исследовать соседние дворы, Полина — прочесать полузаброшенные дома на окраине города, а Агата хотела, чтобы весь этот ужас наконец-то закончился. В первые дни поисков она не отступала от Вити ни на шаг, поддерживала, как могла, прочесывала вместе с волонтерами окрестности города, а также сунулась в лес на ночной чес, что, к сожалению, не принесло результатов. Тогда она начала расклеивать листовки с фотографией Саши, расспрашивала всех продавщиц в продуктовом, соседей, не видел ли кто маленького мальчика с голубыми глазами, но ответ был неумолим — «нет».

И если жизнь для других продолжалась, то для Агаты время словно остановилось. Двигаться — и тонкое марево надежды начнет рваться, обнажая реальность, из которой никому не было выхода.

— Ну ладно, ладно, — пробормотала она.

Встав с табуретки, она задумчиво оглядела свои руки, затем ноги. Время тянулось, словно вязкая субстанция, выкручивая от жары кости. Агата вышла из кухни, проверила входную дверь. Та оказалась незапертой, и она подняла руку, чтобы задвинуть щеколду, но в последний момент остановилась. Если Саша вернется, то ему быстрее будет постучаться в её дверь. Поэтому, задержав на пару мгновений руку в воздухе, она развернулась и пошла в свою комнату.

Собиралась Агата быстро. Убрав волосы в высокий хвост, она натянула джинсы, свободную футболку с логотипом музыкальной группы, подхватила телефон и пошла к выходу. Левый кроссовок, правый, скрип двери. Подъезд встретил её приятной прохладой и тишиной. Захлопнув за собой дверь и провернув ключом в замке, она развернулась, чтобы подняться на этаж выше, как столкнулась с потерянным на вид Пашей.

Тот, словно наткнувшись на преграду, остановился на последних ступеньках лестничного пролета. Его каштановые волосы были растрепаны, и он, спохватившись, шустро запустил пятерню в свои пряди, пытаясь тем самым их расчесать.

— Паша, — произнесла Агата, рассматривая друга.

Покрасневшие глаза парня намекали о жутком недосыпе и усталости. После того как Паша поправил волосы, он одернул рубашку, а затем поправил лямку рюкзака.

— Агата.

Он расплылся в неловкой улыбке. Там, где-то наверху, щелкнул замок двери. Отреагировав на звук, оба подняли головы, словно могли рассмотреть под бетонными плитами источник шума.

— Был у Шубина?

Паша кивнул.

— И как он?

Парень неясно повел плечами, а затем всё же ступил на одну ступеньку вниз, оставаясь на две головы выше Агаты.

— Как всегда.

— Выгоняет?

— Да.

Агата понятиливо кивнула.

— А ты куда пошла?

Девушка указала пальцем наверх.

— Зайду, спрошу, как она.

Теперь понимающе кивал Паша. Он окинул взглядом лестничную площадку, а затем посмотрел наверх.

— Да, Марина Анатольевна дома. Видел, как она возвращалась домой. Хочешь, зайдем вместе?

Агата махнула рукой.

— Все в порядке. Затем зайду к Вите, спрошу, как у него дела. В общем, проведу свой опрос и пойду, не буду никого тревожить.

Паша снова кивнул, а затем спустился на еще одну ступеньку, оказавшись рядом с Агатой. Девушке показалось, что тот хотел что-то сказать, и он открыл было рот, но, встретив вопросительный взгляд Агаты, тут же его закрыл.

— Паш?

— Хорошо, ладно.

Паша быстро согласился, а затем, неловко дернувшись, обошел Агату. Начав спускаться по лестнице, он резко обернулся, окликнув девушку.

— Агата, а ты-то как?

Агата, что всё никак не могла сдвинуться с места, задумчиво провожала его вслед. Услышав заданный вопрос, она задумчиво пожала плечами, недоумевая, причем тут она. Ей казалось, что именно по ней никому не стоило беспокоиться.

— Нормально. Я нормально. А что?

Паша, пожав плечами, снова глянул наверх, туда, где притаился седьмой этаж.

— Ну после произошедшего... Не представляю, как тебе тяжело. Ты знаешь, ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку. Я всегда рядом, Агата.

Агата удивилась. Она шагнула было вперед, к краю лестницы, но вовремя остановилась. Ей была в новинку такая откровенность, и она не знала, как с ней поступить.

— Спасибо, Паш. А ты всегда можешь положиться на меня. Я тоже всегда рядом.

Лишь на мгновение Паша мазнул взглядом по удивленной Агате, а затем расплылся в улыбке.

— Я знаю.

Парень махнул на прощание рукой, а затем, развернувшись, быстрым шагом начал спуск.

Пока Паша спускался, девушка переминалась с ноги на ногу, порываясь пойти за другом. Подобные разговоры были для неё успехом. Вечно закрытый Пашка, погруженный в свои страхи и печали, не замечал ни её, ни остальных ребят, и чтобы вот так поговорить, стоя практически рядом с друг другом... Может, пройтись с ним? Прогуляться, проводить туда, куда он идет.

Внизу хлопнула домофонная дверь.

Наконец решившись, Агата понеслась вслед за Пашей. Ей не хотелось терять такой момент, пусть в глубине души она и догадывалась, что больше всего она не имела моральных сил вновь разговаривать с Витей и с плачущей матерью Нины. Хотелось вдохнуть свежего воздуха, хотя бы немного, а потому она стремительно пересекала этаж за этажом, пока не подбежала к двери и не нажала на кнопку разблокировки. Та тихо запищала, и Агата, толкнув её рукой, вышла на крыльцо.

Черная лада с покоцанной левой дверью медленно выезжала со двора. Пашку забрал отец.

Подавив разочарованный вздох, Агата развернулась и, дернув на себя ручку двери, замерла. Темный и прохладный подъезд фонил разочарованием. Прикинув все «за» и «против», Агата медленно сошла со ступенек, а затем поплелась на детскую площадку. Всё равно делать было нечего, а там, на проржавевших от времени качелях, сидела Вера, и Агате, пусть и условно, но хотелось составить той компанию. Взрослых рядом не было, а значит, лишним её присутствие явно не будет.

Перейдя через узкую дорогу, девушка ступила на протоптанную дорожку двора и напрямую пошла на качели. Вторые были свободны, а потому, дружелюбно улыбнувшись Вере, она уселась рядом, мягко оттолкнувшись ногами от земли.

Вере было семь лет. Она была милой, обаятельной малышкой с золотистыми кудряшками. Не доставая ножками до земли, она устроилась на сидении, скрестив ноги. В руках её покоилась кукла в запачканном платье, голову которой украшал красный бант.

— Бессмысленно.

Агата удивленно приподняла брови. Вера же, смотря отсутствующим взглядом вдаль, повторила сказанное:

— Бессмысленно. Так мама говорит. Что это бессмысленно. Но я не знаю, что это значит. Это что-то хорошее?

Агата не знала, как ответить.

— Да... Нет. Вообще-то, нет. И да и нет. Это когда вещь не имеет никакого смысла. То есть, её можно не делать.

— Это как есть кашу по утрам?

Вера заинтересованно обернулась.

— Ну, не сказала бы. Каша полна полезными витаминами, что хорошо влияет на твое здоровье и рост. Значит, это имеет смысл.

— Говоришь, как моя мама, — недовольно скуксилась Вера.

— Да. Мне в детстве также говорили.

Казалось, что девочка не собирается продолжать разговор. Она снова отвернулась, поглядывая то на пустырь, то на пустой двор. Агате было интересно, о чем мог думать маленький ребенок, но расспрашивать не стала. Поэтому, когда качель начала останавливаться, Агата лишь поудобнее уселась и прикрыла глаза, освобождая себя от размышлений. Солнце всё так же приятно грело кожу. Ветви деревьев, прогибаясь под порывами летнего ветра, приятно шелестели, и всё это единство прерывал лишь тихий металлический скрежет качели. Когда же она остановилась полностью, шум стих и Вера с Агатой вслушались в шумную тишину их двора.

Совсем на секунду Агате показалось, что ей стало немного спокойнее, совсем чуть-чуть, что разум вновь стал ясным, а комок нервов, что застрял в её голове, наконец начал распутываться. Но стоило вновь вспомнить о причинах её тревоги, как всё вернулось. Распахнув глаза, Агата кинула взгляд на притихшую Веру, а затем осмотрела двор.

— А ты веришь в монстров?

Интересно. Агата развернулась к девочке и, задумавшись, покивала головой. Да, ей казалось, что она верила в монстров.

— Я тоже верю. Во дворе живут много монстров. Ты знала?

— Нет, — сказала Агата, давая себя увлечь разговором. — И кто же тут живет?

Вера указала пальчиком на ближайшую песочницу и шепотом произнесла:

— Вон там — «Песочник». Он хватает за ноги и утягивает под песок. Никита сказал, что в прошлый четверг что-то его схватило. Правда-правда! Но говорить о нем нельзя, он этого не любит.

Агата задумчиво уставилась на песочницу.

— Но ты же только что рассказала о нем вслух.

— Да, — согласно кивнула девочка, — но я туда и не хожу. Мне не нравится песочница. Я уже не ребенок, знаешь ли.

Девушка перевела взгляд на юную собеседницу.

— О да, я вижу. Что ж, не ходить в песочницу. Я это запомню. Что еще?

Вера с пылкостью кивнула на подъезд соседнего дома. У них он был один-единственный, так как раньше представлял собой общежитие для приезжих сотрудников завода. Сейчас же дом перевели в статус жилого дома. Полуразрушенное здание с ветхой крышей давно планировали поставить под снос.

— Там, в комнатке у входа, живет «Бабака». Старшие ребята говорят, что она забирает пакеты с едой, а еще ест велосипеды.

Вероятно, «комнаткой» дети считали вахтерское помещение. Агата хихикнула.

— Целые велики? Вот это аппетит!

— Не смейся, — укоризненно попросила Вера.

Девушка, подавившись смехом, замолчала.

— Прости. Так что, — постаралась она вернуть разговор в старое русло, — вы её видели?

Вера помотала головой. Она спрыгнула с качели, потянув за собой куколку.

— Не-а. Она же там сидит, в темноте. Мы не заходим к ней. Но велосипеды пропадают.

— Интересно.

Ей и правда было интересно. Эта болтовня стала для Агаты самым приятным событием за прошедшую неделю. Поэтому, соскочив с качели вслед за девочкой, Агата поплелась следом. Вера шла, ведя ладошкой по выросшим кустам ромашек.

— А кто еще есть? Может, тут кто-то живет, в клумбе?

— Нет здесь никого.

— Хорошо. Покажи еще, где есть? Сколько лет тут живу, никого никогда не видела.

Вера еще немного прошла вперед. Обернувшись, она задумчиво почесала нос, а затем, словно не зная, может ли она довериться, кивнула в сторону пустыря.

— Ну там тоже кое-кто есть.

— Там?

Агата показала пальцем в сторону поля. Там, на залитом солнцем безлюдье под порывами ветра гнулась трава. Невысокая, буквально до колена Агаты, она тянулась вверх. В некоторых местах трава была выжжена, а где-то и вовсе были куски земли. Лучше сказать, что практически весь пустырь занимала пустая земля.

— Да, — кивнула Вера.

Она немного постояла на одном месте, а затем спросила:

— Хочешь покажу?

— Конечно!

Если в песочнице жил Песочник, в оставленной всеми вахтерской комнате — Бабака, то на поле, скорее всего, может обитать какое-нибудь лесное чудовище. Всё равно пустырь граничил с лесом, так что было бы неудивительно узнать, что под каким-то камнем скрывается гном или разновидность Лихо лесного.

Так и пошли двое: Вера вела, рядом с ней, болтаясь в такт шагу девочки, висела кукла, следом ступала Агата. Солнце, словно недовольный третий собеседник, скрылся за неизвестно откуда взявшимися тучами. От этого стало легче, голову наконец-то перестало печь, но как только они перешагнули невидимую черту и шагнули на само поле, подул прохладный ветер. Он словно гнал её в спину, подталкивал, и по рукам девушки то и дело пробегали мурашки.

Вера же, уверенно шагая вперед, что-то болтала под нос. Агата всё никак не могла слышать, что же такое говорит её спутница. С каждой минутой ей хотелось схватить малышку и броситься назад. Облака становились гуще, сталкиваясь с друг другом и создавая темнеющий в небе ворох. Агате всё думалось, что такое бывает только в фильмах ужасов, но мрачающая вокруг атмосфера давала понять, что всё происходит сейчас и только с ней, ведь Вера, маленькая и храбрая девочка, словно не замечала происходивших изменений и уверенно шла вперед.

Пройдя вглубь поля по протоптанной детьми тропинке, они завернули за огромную вязкую лужу, прошли по накиданным, вероятнее всего, той же ребятней, картонным листам и остановились.

Вера, дождавшись, когда Агата подойдет ближе, и вовсе встала позади неё, указав маленьким пальчиком вперед:

— Тут.

Девушка поначалу не поняла, куда именно показывает её новая подруга, а затем разглядела посреди накиданных сверху камней средних размеров жестяной пласт. Старый и ржавый, потерявший весь свой блеск, он был завален небольшими камнями. Подойдя ближе и откинув пару булыжников, Агата охнула. Только сейчас она поняла, что это был не обычный лист из металла, а полноценный чердачный люк. Такой, какой делали в старых советских домах на последних этажах. Старый, с отлупившейся от времени краской и помятой ручкой, он лежал на земле.

Разрываясь непонятным интересом, самой Агате очень хотелось дернуть за ручку и посмотреть, что же будет. Но, зная, что люк был тяжелым и явно поднять она его одна не сможет, Агата шагнула назад.

— И что это? Часть какой-то игры?

Не дождавшись ответа, она обернулась и глянула на малышку. Та стояла, хмуро глядя на люк. Лицо её не менялось.

— Вера?

— Там живут «Соседи».

— «Соседи»?

Вера едва кивнула.

— Дождь стекает внутрь. Он их поит, а затем, в теплые дни, дверь запирается, чтобы не дать им погулять по округе.

От слов девочки Агате стало не по себе. Она поежилась, то ли от прохладного ветра, то ли от зловещих слов Веры. Ей стало казаться, что люк пристально наблюдает за ней, а камень, лежавший на самом его краю, двинулся под еле заметным движением.

— Пойдем отсюда, Вера. Нечего нам тут делать.

Девочка согласно кивнула и даже не стала противиться, когда Агата взяла её за руку и потащила прочь с поля. Подгоняемая страхом, она старалась быстрее покинуть пустырь. Мрачные мысли, накопленные за последние дни, возвращались, и настроение Агаты стремительно падало.

— Не ходи туда больше, — стараясь нарушить тишину, сказала девушка. — Небезопасно здесь, мало ли на что наткнуться можно.

Агата упорно волокла за собой девчонку, и, когда граница поля была пересечена, сбавила шаг. Вернувшись на качели, девушка с опаской глянула туда, откуда они обе вернулись. Не увидев ничего ужасного, Агата разозлилась на собственные страхи и перед тем как развернуться, бросила Вере предостережение:

— Будь аккуратна. И к люку больше не подходи, мало ли что.

Девочка залезла обратно на качель и, когда Агата зашагала прочь по тропинке к дому, крикнула ей вслед:

— Ты тоже не ходи, — а затем добавила: — Туда Саша залез и всё ещё не вернулся.

Агата, расстроенная и раздраженная, поначалу не поняла слов Веры, а затем, осознав сказанное, развернулась и переспросила:

— Что ты сказала?

Глава 3

День, откровенно говоря, не задался. И каких трудов стоило удержать Витю на месте! Тот, узнав от задыхающейся от бега Агаты информацию, ринулся вон из квартиры. Не слушая её доводы, он бежал вниз, пока на крыльце их убегающую и одновременно догоняющую процессию не встретила Полина. Та только намеревалась войти в подъезд, как дверь распахнулась, ударив её по руке. Шикнув от боли, Гордеева уже набирала в легкие воздух, чтобы отчитать обидчика, но, сообразив, что из подъезда вылетел Витя, вмиг успокоилась, а затем и встревожилась. Глаза его, полные тревоги и надежды, смотрели вдаль, туда, где выжженной землей темнел пустырь. Он попытался протиснуться дальше, оттолкнуть Полину, но звонкий крик Агаты мгновенно сориентировал подругу.

— Держи его!

Полина, явно не догадываясь, что произошло, перекрыла дорогу Вите, а затем бросила:

— Что случилось-то? Эй! Витя! Да успокойся ты уже, все ноги мне оттоптал и руку сломал. Лечить меня будешь сам!

Витя лишь шикнул, но вырываться из рук девчонок перестал.

— Шубин! Ты что, совсем из ума выжил?!

Удерживающая его позади Агата отпустила футболку друга, и он по инерции сделал еще пару шагов вперед. Полина же, быстро убравшая руку, заботливо поглаживала ушибленное место.

— Больной, блин, — обиженно проворчала Гордеева.

— Прости!.. — выдохнул Витя. — Я... Я не нарочно, не специально. Я торопился, прости!

— Куда торопился-то? У нас где-то пожар? — бросила Полина, а затем, увидев бледное лицо Агаты, перевела взгляд на Витю.

Она оглядела Витю с головы до ног и снова спросила:

— Что такое? Вы нашли Сашу? Нашли, да?

Агата побледнела еще сильнее и теперь напоминала мел. Помотав отрицательно головой, она испуганно уставилась на вытянутое от удивления лицо Полины, а затем посмотрела на пустырь.

— Да блин, что с вами? Можете нормально объяснить?

— Пустите, — выдохнул Витя, а затем, обогнув Гордееву, шустро прошелся по площадке и спустился вниз.

— Я вообще ничего не понимаю, — устало произнесла Полина.

— Это быстро не объяснить, — задыхаясь, ответила наконец Агата. — Пошли за ним. Делов еще наделает.

Спустившись вслед за отдаляющейся спиной Шубина, девчонки поспешили догнать его, как еще вдали завидели отца Вити. Он припарковался возле соседнего подъезда и, захлопнув дверь машины, грузной походкой отправился в их сторону.

— Бежим! — шикнула Агата.

Перебежав узкую дорожку, она перескочила через поребрик и понеслась по детской площадке вслед за Витей, как на весь двор раздался крик.

— Валерий Демьянович! Помогите!

— Гордеева... — простонала Агата, а затем развернулась, успев заметить и хмурое лицо отца Вити, и взволнованное лицо Гордеевой.

Та махала руками, стараясь привлечь внимание, а затем показывала руками в сторону уходящего от них Вити. Тот уже пересек границу поля, но, услышав то же, что и Агата, повернулся.

Эх, Витя. Умный и уверенный в себе студент второго курса Северного государственного университета морского и речного флота, будущий капитан корабля боялся только одного человека — своего отца, это Агата знала точно. Тот был в чинах, имел блестящую репутацию в кругах МВД, а потому развернувшийся ужас вокруг их семьи казался всем еще мрачнее.

Витя вновь тоскливым взглядом уперся туда, где, по его мнению, был найден тот самый лаз, а затем, вздохнув, развернулся и побрел обратно.

— Виктор! Где обувь?

У Агаты поплыла голова. События сегодняшнего дня так сильно давили на виски, что вопрос Валерия Демьяновича показался ей совершенно неуместным. Она так и осталась стоять, смотря на всех уставшим взглядом. Агата также знала, как и Витя: расскажи они ему то, что узнали, — и никто их никуда не отпустит.

Возможно, в отце Вити больше говорила профессиональная деформация, наверное, в том подвале их и правда могут поджидать неприятности. А может, Валерий Демьянович попросту боялся потерять еще одного ребенка. Последнего ребенка, что остался в их семье.

— Да я... Пап... — начал слабо Витя, пытаясь ухватить за руку Агату.

Полина, увидев это, нахмурилась.

— Ну? Что за спешка?

Отец Вити уже подошел к их подъезду, рассматривая их компанию. От его глаз наверняка не скрылось непонятное ему лихорадочное возбуждение в глазах сына. Потребовав всех троих подняться к ним в квартиру, они вялой процессией вернулись в подъезд, а затем в таком же молчании вошли в лифт.

Ехали молча. Старый движок приятно гудел, а недовольное сопение отца Вити лишь подбадривало её к молчанию. Когда же девушка начала лихорадочно подбирать темы для разговора, лифт еще раз трянуло, и двери медленно и со скрежетом раздвинулись.

В квартире было тихо. Мама Вити, Тамара Львовна, все еще лежала в больнице. Агате было неизвестно, какого им было просыпаться там, где все напоминало о Саше. Даже сейчас, зайдя домой, Витя споткнулся о маленький грузовичок, припарковавшийся в прихожей. Увидев, что именно стало причиной удара, он лишь тяжело выдохнул, а затем бережно отставил игрушку подальше в угол, там, где никто не смог бы вновь об неё запнуться и, что хуже всего, сломать.

— Я так и не поняла, что случилось. Куда вы неслись? — подала голос Полина, и Агата еле слышно простонала.

Валерий Демьянович, уже всюю орудующий на кухне, выглянул из проема и заинтересованно посмотрел на сына. Витя непонятно пожал плечами. Тогда отец Вити перевел взгляд на Агату.

Агате отвечать не хотелось. Было что-то в отце Шубина пугающее. Та самая сила, что обитает в погонах. И если полицейских часто покрывали последними словами, то Валерия Демьяновича боялись, потому что в первую очередь он был человеком Совести и Слова. А потому под тяжелым взглядом карих глаз Валерия Демьяновича Агата стушеввалась, а затем на выдохе выдавала:

— Я кое-что узнала.

Следующий час Валерий Демьянович постоянно с кем-то разговаривал по телефону. Он требовал, спрашивал, ждал. Агата, Полина и Витя не отвечивали. Гордеева словно поняла, что раскрыла то, что не должна была, а потому помалкивала, побаиваясь гнева Вити.

На уговоры самого Вити и его желание отправиться посмотреть на этот злосчастный люк Валерий Демьянович резко отказывался. Поначалу не объясняя, а затем, осознав, что сын его плоти и крови и он не отстанет, сказал:

— Во-первых, мы не знаем, что это за место. Представляет ли он опасность, да существует ли он в принципе. Ваш спуск туда запрещен. Сейчас подъедет наряд, и мы самостоятельно осмотрим место.

— Почему вы просто не можете спросить у Веры? Ну на крайняк поболтать и с мамой Веры? Вон, Агата тоже видела это место... — спросила Полина, теребя локон волос.

Валерий Демьянович тяжело вздохнул, прочитав поступившее ему на телефон СМС, а затем, не поворачивая головы в сторону Гордеевой, ответил:

— Допрос несовершеннолетнего ребенка обязателен в присутствии психолога и законных представителей, а также обязательна видеофиксация. Так что мы до этого еще дойдем.

— Я хочу пойти с вами, — вновь сказал Витя.

— Нет.

— Тогда возьмите Агату, — предложил парень.

Агата кинула вопросительный взгляд на друга. Ей уж точно совать свой нос в предполагаемое место похищения или убийства не хотелось.

— Нет, опасно. Сами общаем. Сидите дома и не высывайтесь.

Витя открыл было рот, но затем, видимо задумавшись, закрыл. Ободряюще похлопав сына по плечу, Валерий Демьянович вышел из комнаты.

Солнечный день тянулся дальше. Стоя втроем у размаха длинного окна, они наблюдали, как двор и поле за ним заполонила полиция с поисковыми собаками.

— А если не найдут... — пробормотала Агата, отметив краем глаза кивки Полины.

Под вечер Полину и Агату отпустили по домам, приказав не высываться из квартир. Спорить желания не возникло.

Собственная квартира на пятом этаже захлопнулась вслед за Агатой, словно капкан лешего. С громким хлопком, тяжелым и неотвратимым. Девушке снова показалось, что некогда родные стены дома давят, выжидают, и там, в конце коридора, непременно кто-то притаился. Постояв немного в прихожей, нехотя девушка стянула с себя кроссовки, а затем прошла по коридору, заглядывая в каждую комнату и включая везде свет. Время тянулось к закату, и кровавые полосы его протягивались сквозь открытые окна гостиной.

Устало вздохнув, Агата зашла в свою комнату и устало упала на кровать.

Нина.

Да, наверное, стоило позвонить Нине. Все-таки столько всего сегодня произошло, а ей, сидящей дома и болеющей, наверняка из-за того проливного дождя, вполне возможно, не терпелось узнать, почему столько полицейских сегодня заполонили двор.

Первый гудок ничего не дал. На второй Нина тоже не ответила. На третий Агата услышала неприятное потрескивание, а затем хрипящее дыхание подруги. Агате что-то вспомнилось, но она никак не могла поймать, что именно. Пульсация в голове усилилась, а потому, застонав от боли, она перевернулась на бок, не отпуская телефон от уха.

— Тяжелый день, да?

Агата тихо заплакала. Только сейчас она осознала, что все это время ей отчаянно не хватало Нины. В последние недели они только переписывались, в гости заходить подруга отказывалась, мотивируя все страхом заразить Агату.

— Очень. Ты как? Тебе лучше?

Нина еще раз судорожно вздохнула, а затем закашлялась. Кашляла она долго и мучительно, и на мгновение Агате показалось, что это уже было. И кровать эта, и болящая голова, и разговор с Ниной тоже был. И кашель. Мучающий её кашель, раздражающий, заставляющий практически выплевывать собственные легкие. Агата плакала, вслушиваясь в тяжелое дыхание Нины. Её сердце разрывалось от боли за подругу, и ей все казалось, что она падает в кроличью нору, туда, где с распахнутыми объятиями её ждет бездна.

— Ну как сказать, — хрипло засмеялась Нина.

Агата вяло улыбнулась.

— Скажи, как есть.

Она услышала, как Нина заворочалась в постели.

— Ну, врачи говорят, что я иду на поправку. Значит, скоро вернусь к вам и...

— Вите. — Кивнула Агата.

— Ага. Вот увидишь, Татуся, еще неделька — и я с вами.

Агата, зарывав сильнее, закрыла нос и рот рукой, а трубку отвела подальше от уха. Так, чтобы Нина ничего не услышала. Ей отчаянно не хотелось расстраивать подругу, а потому она слушала её болтовню дальше. Что-то про новый сериал, который нашла на просторах Интернета; про какую-то компьютерную игру и предсказание, увиденное в социальной сети.

— Кстати, а твоя карта дома? Не выбросила?

Девушка не сразу поняла, о чем говорила Нина. Перебрав в ноющей от боли голове все варианты, только через несколько минут она вспомнила про ту красивую карту Таро, со звездочкой и кувшином. Кивнув головой, Агата не сразу сообразила, что кивок, в общем-то, Нина никак не увидит, и, спохватившись, открыла было рот, как услышала:

— Хорошо. Храни её. Положи под чехол телефона или еще что-то. Вдруг и правда поможет?

«Нам уже ничего не поможет», — подумала Агата, но сказала совсем иное.

— Да, ладно. И что там про предсказание? Что ты узнала?

Нина хихикнула и начала рассказывать про нагаданное её знаку зодиака сетевой гадалкой. Агата слушала, слушала, стараясь вспомнить, понять то, что забыла, но вяло, ощущая, как проваливается в дрему. Смотря перед собой невидящим взглядом, она слушала и про переплетения звезд, про ангельские знаки и то, что все в этом мире предрешено, но только сам человек волен менять свою судьбу, надо лишь знать, как это сделать. Агате хотелось спросить, как же это так, в чем секрет, но сил говорить больше не было. Нина же болтала, прерываясь на кашель, а когда Агата набралась сил, чтобы задать интересующий её вопрос, то услышала:

— Засыпай, Агата. Я всегда буду здесь.

«Но как?» — хотелось спросить Агате, но всего секунда понадобилась, чтобы свалиться окончательно в сон.

Из тяжелой дремы её разбудил настойчивый стук во входную дверь. Поначалу девушка этого не поняла. Подскочив в кровати, Агата схватилась за грудь. Бешено стучащее сердце взывало, и Агата то и дело оглядывалась, стараясь понять, что произошло. В её комнате царила глубокая ночь. Даже лунный свет не проникал сквозь тонкие полотна штор. Нашупав под подушкой свой телефон, Агата пару раз нажала на экран дисплея, прищурилась и наугад ткнула туда, где должна была быть кнопка фонарика. Угадав с первого раза, по комнате разлился яркий белый свет, отчего глаза защипало.

В дверь снова постучали.

— Саша? — пробормотала Агата, а затем, вскочив с кровати, несмелым шагом двинулась в сторону входной двери.

Она даже не знала, была ли она закрыта.

— Саша? — снова прошептала Агата, подходя ближе.

Дремота не отпускала, отчего голова все еще была ватной. Часы на телефоне показывали ровно час ночи. Смахнув пропущенные вызовы от мамы и пару СМС с расспросами, в порядке ли её дочь, Агата несмело подошла к двери и спросила:

— Кто?

«Кто крадется в час ночной? Может, друг, неся покой? Или это зверь опасный, что обманет, дав несчастье?» — невольно вспомнился ей детский стишок. Агата передернула плечами.

— Кто? — чуть громче спросила девушка.

Она очень надеялась на ответ и, наконец, его получила.

— Это я. Витя. Открой, пока папа не спалил.

— Шубин? Ты с ума сошел? — прошептала Агата, а затем, отложив телефон фонариком кверху, принялась шустро открывать дверь.

В попытках повернуть защелку с неприятностью для себя она узнала, что дверь все-таки была не заперта. Посчитав, что подумает об этом потом, Агата медленно открыла дверь, как ту перехватила рука в перчатке, и на порог сразу же завалился Витя.

— Это у тебя пижама такая? — пробормотала Агата, рассматривая друга.

Тот был одет в грубые тактические брюки со множеством карманов и шлевками под широкий ремень. Где-то что-то торчало, с пояса свисала веревка. Из-под спортивной куртки выглядывала белая футболка, а на спине висел огромный армейский рюкзак, наверняка вежливо позаимствованный у Валерия Демьяновича. На ногах спортивные кроссовки, руки в перчатках, а на шее бандана.

Агате хотелось задать вопрос, но она понимала, что ответ уже был на поверхности. Она знала, к чему все идет, но не понимала, что от неё требовалось.

— Ты хочешь?..

— Да, — прошептал Витя.

— Ты же их слышал. Обычная яма. Там ничего нет. Что ты там планируешь увидеть?

Витя нахмурился, а затем с решимостью ответил:

— Хочу увидеть сам. Вдруг они что-то упустили.

Агата тяжело вздохнула. День, перегруженный событиями, её не отпускал, и она поняла, как сильно устала.

— Упустили менты с кучей оружия и собаками? Ты их видел вообще? Да они иглу в стоге сена найдут, если надо, даже две. Что ты там планируешь увидеть?

Витя закрыл глаза, а затем выпалил:

— Я говорил с Верой.

У Агаты от удивления открылся рот.

— Ты... что? Что ты сделал?

— Я поговорил с ней. Вечером сходил, повезло, что её мамы не было дома. И я спросил. Девушка устало помотала головой.

— И что?

— Мы должны попытаться снова.

— Почему?

— Потому что только «Соседи» решают, кого туда впустить.

Агата ощутила, как кишки сворачиваются в один тошнотворный комок. Детские страшилки, рассказанные днем, обретали какие-то извращенные очертания в темноте квартиры.

— Я знаю, как это выглядит, Агата. Я знаю, что, скорее всего, мы ничего не увидим. Но что, если... Что, если... Мой брат, вдруг он все еще там? Вдруг его кто-то держит? Может, мы что-то найдем?

— Это невозможно, Витя. Это все нереально.

— Я понимаю, я правда понимаю, как это выглядит, — горячо зашептал он. — Но...

— Но что? Это такая глупость, и мне не стоило к тебе с этим приходить. Только сейчас я поняла, что поселилось в нашей голове, не стоило даже разговаривать с Верой...

— Это мой брат, — оборвал её Витя. — Это мой брат! Как же ты не поймешь?

Агате стало дурно.

— Не хочешь — не иди, сам посмотрю. Я просто хотел... Чтобы кто-то... Ну, знаешь... Был рядом? Я понимаю, что это только моя ноша. Я посмотрю, просто посмотрю, Агата. И если что, скажи моему отцу, что я его...

Девушка замотала головой, зажмурившись.

— Нет, нет, замолчи. Реально, закрой рот, я тебя прошу. Мы пойдем, мне надо только одеться. Только, пожалуйста, прекрати. Мы пойдем.

Она схватила телефон и, не оборачиваясь, рванула в свою комнату. На глазах выступили слезы, и ей казалось, что весь мир летит под откос.

Рука ударила по кнопке выключателя.

«Как страшно жить», — думалось ей, перебирая штаны. «Я больше не могу», — мелькало в голове, пока она натягивала на себя огромное худи с лейблом своего университета. Носки, телефон, резинку для волос — в карман кофты, чтобы потом собрать волосы в хвост, сейчас нет времени. На пороге комнаты, осмотрев её в последний раз, она заметила мелькнувшую в свете лампы карту. «Бред, какой бред», — рассерженно подумала она, гневно схватила картонку с блестящим изображением и засунула её под чехол телефона.

— Мы просто посмотрим и уйдем, — строго сказала Агата, подойдя к Вите.

Тот благодарно кивнул.

— Надо успеть до рассвета, пока не вернулась моя мама и не проснулся твой папа.

— Спасибо, Агата. Я знаю, что тебе сейчас нелегко, поэтому спасибо.

Агата устало вздохнула и пробежалась взглядом по темной квартире. Почему-то ей очень хотелось, чтобы тень, вечно мерещаая ей в конце коридора, отлипла от стены и составила им компанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.